

Глава I

Последние Капетинги по прямой линии

I. Филипп Красивый и его сыновья. —

II. Окружение последних Капетингов

I. Филипп Красивый и его сыновья

Что известно о Филиппе Красивом

В текстах времен Филиппа Красивого и его сыновей о личностях королей не сказано ничего или почти ничего. Так что придется смириться — о том, каким был Филипп Красивый, никто не узнает; одни говорят: «Это был великий человек», другие — «Он пустил все на самотек», и выяснить, кто прав, никогда не удастся. Эта проблема неразрешима.

Источники, позволяющие составить представление о человеке, — это тексты, рассказы людей, знавших его, или людей, которые, не зная его, собирали слухи, ходившие о нем в обществе.

Письма

А ведь письма Филиппа Красивого и его сыновей насчитываются тысячами. Может возникнуть сильное искушение выбрать из них какие-то фразы (среди них есть звучные) и приписать Филиппу или его сыновьям чувства, которые эти фразы выражают. Но такому искушению надо противиться, потому что письма и указания, какие в ту эпоху рассылались от имени королей из королевских канцелярий, короли не диктовали. Писали их

нотарии, и основные суждения, какие в них можно прочесть, — это по большей части расхожие формулы¹. Правда, некоторые тексты отличались своеобразием, но нет оснований думать, что монарх был автором или хотя бы вдохновителем тех редких документов, стиль которых по-настоящему оригинален; во всяком случае, у нас нет возможности отличить то, что было вкладом короля, от вклада его министров. Короче говоря, ради того, о чем здесь идет речь, обращаться к дипломатическим документам нет никакого смысла.

Портреты того времени

Ни у Филиппа Красивого, ни у его сыновей не было своего Жуанвиля; никто из тех, кто с ними постоянно общался, не записывал за ними ни слова, ни действия, ни жесты. Среди их приближенных один только Гильом де Ногаре кратко описал Филиппа Красивого, но его очерк — это панегирик, апологетический, напыщенный и расплывчатый: «Государь король, — писал Ногаре в одной из „Записок“, какие составлял в связи с делом Бонифация, — принадлежит к династии французских

¹ Это, например, относится к знаменитой преамбуле к хартии Людовика X об освобождении сервов королевского домена, ссылающейся на то, что любое человеческое существо имеет право на свободу. То же утверждение есть и в хартии Карла Валуа от 9 апреля 1311 г. (*Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique. Vol. XII: contenant un supplément depuis l'an 1187, jusqu'à la fin du règne de Charles VI. Paris: Imprimerie Royale, 1777. 387*). Впрочем, это было общим местом в средневековой риторике: *Histoire de France. T. III. 1re partie. Paris: Hachette et Cie, 1901. P. 78.*

королей, которые все, со времен короля Пипина, были набожны, которые были рьяными поборниками веры, могучими защитниками Святой Матери Церкви... До, во время и после своего брака он был целомудренным, смиренным, скромным в выражении лица и в речи; он никогда не впадает в гнев; он не питает ни к кому ненависти; он никому не завидует; он всех любит. Исполненный милости и человеколюбия, благочестивый, милосердный, он неуклонно следует правде и справедливости, и его уста никогда не произносят поношений. Ревностный в вере, набожный в жизни, возводящий церкви, творящий благие дела, красивый лицом и очаровательный с виду, приятный для всех, даже для врагов, когда они находятся в его присутствии, и Бог совершает его руками очевидные чудеса в отношении больных».

Анекдоты

Люди, видевшие собственными глазами последних Капетингов по прямой линии, рассказали о них несколько анекдотов, но не слишком интересных. Один из свидетелей, заслушанных по делу Бернара Сессе, епископа Памьерского, показал, что епископ, говоря о Филиппе Красивом, сказал ему: «Наш король похож на филина, самую красивую из птиц, ни на что не годную: это самый красивый человек на свете, но он умеет лишь пристально смотреть на других, не говоря ни слова». Епископ якобы добавил: «Это не человек и не зверь, это статуя». Тосканец Франческо да Барберино, приезжавший во Францию по своим делам с 1309 по 1313 г., был поражен благожелательностью французского короля, который однажды на его глазах ответил на приветствие трем бродягам (*vilissimi*

*ribaldi*²), позволил им приблизиться и терпеливо выслушал их жалобы. Ив, монах из Сен-Дени, присутствовавший при последних минутах жизни Филиппа, описал его благочестивую кончину, сходную со всеми благочестивыми кончинами. Как и Людовик Святой, Филипп Красивый якобы отказался выпить гоголь-моголь, хоть и умирал, потому что день был постным. Он якобы произнес назидательные слова: призвал старшего сына любить Бога, чтить церковь, защищать ее, усердно молиться, окружать себя добрыми людьми, одеваться скромно. Он якобы высказал также «печальные соображения», очень банальные, «о тщете людского величия». Тот же монах даже осмелился набросать портрет короля во весь рост — того самого короля, смерть которого он видел, но с которым, впрочем, был знаком очень плохо; его бесцветные и слащавые определения мало что позволяют узнать: «Этот король, — пишет он, — был очень красивым, достаточно ученым, приветливым с виду, очень честным по характеру, смиренным, кротким, чересчур смиренным, чересчур кротким, прилежно молился Богу. Он избегал злоречия. Он соблюдал посты, носил власяницу; он требовал от своего духовника, чтобы тот сек его цепочкой, *cum quadam catēnula*. Простодушный и благожелательный, он думал, что все движимы наилучшими намерениями; это делало его слишком доверчивым; его советники этим злоупотребляли».

Слухи, ходившие в народе

Все остальные сведения, которые содержатся в хрониках как того времени, так и позднейших, —

² Гнуснейшим мошенникам (*итал.*).

это пересказ слухов, ходивших в народе. Они имеют ценность как отражение представлений общества.

Современники Филиппа Красивого считали, судя по совпадающим заявлениям Виллани, Годфруа Парижского и многих анонимных авторов, что у короля слабый характер; автор вставок к «Роману о Фовеле» охарактеризовал его как «благодушного», в чем нельзя усмотреть оригинальность, что бы об этом ни говорили. Все дружно твердят, что он был красивым, светлокожим и белокурым, высоким и сильным, «исполненным милости, кротости и прямоты» и что он слепо доверялся тем, кто снискал его доверие. Один аноним в латинской обличительной речи, датированной первыми годами царствования, обвиняет короля в том, что тот неводержан, чрезмерно пристрастился к охоте и окружил себя «негодяями», предателями, ворами, наглецами; король ими поработан (*quasi servus obedit*) и пренебрегает своим долгом. Годфруа Парижский, хронист (его хроника начинается 1300 годом), тоже не обошел молчанием эту тему. Наш король, — пишет он, — равнодушен, это «сокол-балобан»; в то время как фламандцы действуют, он проводит время за охотой:

И король, когда его рога трубят
По лесам, гонит кабанов
И птиц, летящих в небе,
А фламандцы берут заложников...

Это дитя; он не замечает, что окружение его обманывает и обирает:

Деньги получают сборщики налогов,
А народ считает, что их берет король...

Королевский совет берет их и делит,
А королю достается меньше всех...
Но король не должен дольше оставаться
Ребенком; он вполне мог бы понять,
Камень ему дадут или хлеб...

После катастрофического поражения при Куртре появились новые упреки Филиппу — в вялости, в чрезмерной слабости к дурным советникам низкого происхождения, которые его окружают и которых теперь считают преступниками:

Вас предают, все так думают
Насчет ваших рыцарей из кухни,
Стоящих близ вас при пробуждении...
Черное представляют вам белым
Те, кто и справа, и слева
Находятся близ вас; и щипать траву,
Государь, вас понуждают, и орла выдают
за решку.

Позже автор сочинения под названием «Сон» так подытожил царствование Филиппа IV: это было время, когда охотились...

Когда охотились многими способами,
И было добыто много крупной дичи —
Евреи, тамплиеры и христиане
Были пойманы и ввергнуты в узы...
Охотиться можно было повсюду...
Король же, что царствовал тогда,
Участвовал в охоте весьма ретиво,
Но получал мало добычи,
Потому что плохо понимал игру...
Из ста су ему доставалось не более денье...

Что известно о сыновьях Филиппа Красивого

Суждения в приведенных текстах подтверждаются многими другими; тех, которые бы им противоречили, нет. Если и были современники, считавшие Филиппа Красивого человеком энергичным и усердным, следов это мнение не оставило.

Что касается трех сыновей Филиппа Красивого, наследовавших ему, Людовика, Филиппа и Карла, то они выглядят еще более неприметно. Как объяснить прозвище *hutin* («сварливый»), данное Людовику? Филипп и Карл, по словам хронистов, были высокими, красивыми, благочестивыми, кроткими, мудрыми, щедрыми. Сведения из первых рук и подробности напрочь отсутствуют.

Можно ли в отсутствие прямых свидетельств сделать выводы о характерах этих королей из событий, произошедших во время их правления? На первый взгляд, это кажется естественным. Как допустить, что противник Бонифация VIII был благочестивым и даже суеверным, а преследователь тамплиеров — кротким и неосторожным? При Филиппе IV случилось столько трагических событий, что непреодолимо тянет считать его человеком мрачным и жестким. Но от соблазна рассуждать таким образом надо удерживаться. В самом деле, допущение (совершенно произвольное), что Филипп Красивый обладал «сильным духом» и был «очень твердым человеком», легко начинает выглядеть обоснованной истиной. И если убедить себя в его непреложной правильности, будешь систематически усматривать последовательность и глубину там, где современники событий (похоже, не без оснований) видели только оплошности

и растерянность³. Для некоторых авторов Нового времени такое допущение оказалось даже убедительней реальных документов: «У статуи на гробнице Филиппа Красивого в Сен-Дени, — говорится в одном тексте, — лицо сурового, очень энергичного человека». Между тем в этом широком и простодушном бритом лице, обрамленном прядями длинных волос, нет ни суровости, ни энергичности. К тому же не факт, что это изображение имеет портретный характер: надгробные статуи Филиппа IV, Людовика X, Филиппа V, Карла IV были выполнены с 1327 по 1329 г. в одной и той же мастерской; они чрезвычайно похожи — одна и та же поза, одни и те же черты; «трое сыновей, если скульптура не лжет, — пишет де Гийерми, — имели с отцом сходство, убедительно подтверждающее» добродетель их матери. Ваятель, начавший работу над статуями через тринадцать лет после смерти Филиппа Красивого, мог его даже никогда не видеть.

³ Предвзятые мнения такого рода долго искажали представления об истории XIII века. Раз Людовик IX приобрел репутацию прекрасного монарха, его хвалили за решения, которые (якобы) соответствовали общему духу его политики, но которые на самом деле имели совсем иной характер. Раз Филипп Красивый приобрел репутацию монарха, склонного к новшествам и беззастенчивого, его упрекали за введение многих обычаев (например, налоговых поборов), которые существовали и до него.

II. Окружение последних Капетингов

Принцы крови

Мало сведений мы имеем и о лицах, игравших главные роли при дворах Филиппа Красивого и его сыновей, — о принцах крови и советниках.

При дворах Филиппа Красивого и его сыновей случился не один скандал, но их подробности неизвестны. С трудом можно различить, что у королевы Жанны Наваррской, жены Филиппа Красивого, были протеже и враги и что в окружении короля Наварры (будущего Людовика X) накануне 1314 г. и в окружении Карла Маршского (будущего Карла IV) накануне 1322 г. возникали очаги интриг. Единственным принцем крови, о котором нельзя сказать, что его обличье абсолютно неразлично, был Карл Валуа, брат Филиппа IV, который стал родоначальником династии Валуа и который в течение четырех царствований благодаря происхождению был в королевстве первым человеком после короля⁴.

Карл Валуа

Карл Валуа тоже считался красивым мужчиной: он был высоким и сильным, имел грубые черты лица — если статуя, когда-то располагавшаяся на

⁴ *Petit J. Charles de Valois (1270–1325). Paris: A. Picard et fils, 1900.*

его гробнице, верно отражала его облик. Он был трижды женат и произвел на свет четырнадцать детей, в том числе десять дочерей. Он претендовал на короны Арагона, Священной Римской империи и Византийской империи. Поскольку, кроме того, он любил пышность, он постоянно нуждался в милостях короны и Святого престола и зависел от них, чтобы пристраивать детей, вести себя соответственно положению и выплачивать (частично) долги. Его поведение не раз было продиктовано стремлением раздобыть денег, которое сопровождало его всю жизнь. При Филиппе Красивом он командовал армиями и возглавлял важнейшие переговоры — он был верным слугой, получал щедрые награды и не создавал затруднений. Какие чувства он испытывал по отношению к министрам брата? Известно только, что он не любил Ангеррана де Мариньи. В 1310 г. Карл обменял свою землю Гайефонтен на землю Шампрон, принадлежавшую Мариньи, и в ходе этой сделки был обманут. Наглость Мариньи задевала его при разных обстоятельствах. После смерти Филиппа Красивого он наряду с Людовиком д'Эврё — своим единокровным братом, Ги де Шатильоном, графами де Фуа, д'Арманьяком и другими стал одним из вельмож, организовавших падение и казнь фаворита. Но он ради этого не изменил политической позиции, какую занимал в предыдущее царствование. При Людовике X он вовсе не был, как утверждалось, «главой феодальной оппозиции»; он не поддерживал лиг, какие создавала знать, — напротив, он помогал племяннику защищаться от них, а один из его любимых клириков, Этьен де Морне, получил должность хранителя печатей Франции. При Филиппе V он принял обиженный вид лишь затем, чтобы подороже продать

поддержку и содействие монарху, права которого не были очевидными: «Мы надеемся, — писал ему 13 декабря 1316 г. папа Иоанн XXII, — что король раскроет объятия своей щедрости вашим нуждам; мы надеемся побудить его к этому нашими отеческими советами». Он служил и выпрашивал королевской милости как при Карле IV, так и при трех предшествующих королях. В общей сложности Карл Валуа получил и промотал значительные суммы; но его влияние никогда не вносило смуту и не было глубоким — это был человек посредственный, имевший слишком много дочерей на выданье.

Советники короны

Недовольные при Филиппе Красивом говорили, что страна управлялась бы лучше, если бы король больше прислушивался к вельможам, «достойным мужам» из своего окружения, а не доверялся советам всех этих ничтожеств, адвокатов, новоиспеченных дворян, чужих для Франции как таковой, которые ему льстят и не выпускают его из-под контроля. Недостойность королевских советников и слабость короля к этим недостойным советникам были любимым коньком всех полемистов того времени и Годфруа Парижского в частности:

Так что король черств и нежен —
Черств со своими и мягок с чужаками...
Франция обращена в рабство,
Потому что французов не слушают
Те, кто рядом с их настоящей матерью;
Сегодня они оттеснены назад...

В самом деле, несомненно, что у Филиппа Красивого были министры довольно низкого происхождения, в отношении которых не только общество,

но даже принцы и папы, осаждающие их просьбами и осыпающие милостями, были уверены, что король им всецело подчинен. Но как эти люди достигли власти? Как они себя вели? Какими были их характеры? Почти ни на один из этих вопросов у нас нет ответа. Перечень министров Филиппа Красивого и его сыновей известен, и хорошо заметно, что некоторые, а именно Пьер Флот, Гильом де Ногаре и Ангерран де Мариньи (основатели первых трех семейств знати из министерялов, позже столь многочисленной во Франции), поочередно пользовались исключительным доверием монарха. Но сколько остается людей, о которых толком не ясно, в какой мере они были исполнителями или инициаторами, «колесиками» или «двигателями»? Что мы знаем о Пьере де Шамбли и о Юге де Бувиле, единственных королевских советниках, снискавших милость Годфруа Парижского; о Жане де Вассуане, Этьене де Сюизи, о Пьере и Этьене де Морне, о Пьере де Бельперше, о Жиле Эйселене, о Пьере де Латийи, о Пьере д'Аррабле, о Пьере де Шаппе и Жане де Шершемоне, — если перечислить только тех, которые, как Флот и Ногаре, исполняли обязанности канцлера? Поскольку адвокат Пьер Дюбуа писал королю докладные записки, которые сохранились до наших дней, обычно считается, что он был важным человеком; и если бы он не позаботился сообщить об этом сам, мы бы не узнали, что он имел меньше влияния, чем мэтры Ришар Ленево и Жан де ла Форэ, имена которых сегодня говорят нам очень мало. Объем и характер функций людей короля, игравших самые активные роли, уточнить трудно. Эрудиты с большим трудом восстанавливают список поручений, какие этим людям давали, вознаграждений, какие те получали,

и имущества, какое те приобрели. Не более того: лица, так сказать, стерты, как и лица самих королей. Все советники Филиппа Красивого, не оставившие письменных текстов, — загадки для историка, как и сам Филипп Красивый⁵.

Флот, Ногаре, Мариньи

От Флота и от Мариньи, которые вместе с Гильомом де Ногаре занимали самое высокое положение, остались деловые письма и тексты речей, но, чтобы судить о них, этого слишком мало. Пьер Флот был одним из тех тонких и неистовых юристов школ Монпелье и Алеса, проникнутых имперскими традициями болонских глоссаторов, из-за которых Филипп Красивый первым из французских королей позавидовал князьям долины Роны. Нормандец Ангерран де Мариньи начал поприще в качестве оруженосца Юга де Бувиля; в 1298 г. он был хлебодаром в доме королевы Жанны; именно

⁵ Тем не менее почти обо всех в наши дни написали монографии: об итальянце Мушатто де'Францези, которого называли «монсеньор Муш», о Пьере де Бельперше, о Жиле Эйселене, об обоих Морне, о Жоффруа дю Плесси и об обоих главных помощниках Ногаре, южанах, как и он, — о Понсе д'Омеласе и Гильоме де Плезиане. Но даже в итоге самых углубленных изысканий удалось только воссоздать, художественно, *curriculae vitae* [краткие жизнеописания (*лат.*)]. Биографию Ангеррана де Мариньи пересказал П. Клеман: *Clement P. Trois drames historiques*. Paris: Didier, 1857, биографию Ногаре — Э. Пенан: *Renan E. Guillaume de Nogaret, légiste // Histoire littéraire de la France*. 1877 (27). P. 233–371 и Р. Хольцман: *Holtzmann R. Wilhelm von Nogaret*. Freiburg im Breisgau: J. C. B. Mohr, 1898.

королева, неизвестно как и почему, помогла ему «вступить в стремя»; но фигура, несомненно, интересная, этого смелого финансиста, знавшего «все секреты королевства» и пользовавшегося безграничным авторитетом в последние годы великого царствования, отчетливо не вырисовывается, — по-прежнему остаются вопросы, как справились с ним современники после его падения, был ли он «амбициозным и нечестным» или «более несчастным, чем виновным». Что касается Гильома де Ногаре, то из его защиты в деле Бонифация можно узнать о нем все. Он происходил из Сен-Феликс-ан-Лораге близ Тулузы, был доктором и профессором права; с Пьером Флотом, своим покровителем, и с Жилем Эйселеном он, возможно, познакомился в Монпелье; в 1294 г. он вступил в должность королевского судьи в сенешальстве Бокер; через три года, в 1296 г., он приехал в Париж и принял титул «рыцаря короля Франции»; после гибели П. Флота в сражении при Куртре он несколько лет был верным рабом короля, его «секирой». Но набрасывать здесь портрет этого человека, — чьи причудливая фантазия, отвратительная риторика и лицемерные грубости значительно омрачили память о его повелителе и время, в какое он жил, — не имеет смысла. Лучше показать его за делом.

Его и других мы увидим за делом в важных эпизодах, выделяющихся на темном фоне, какой история Франции приобрела с конца XIII века.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru